

Предисловіе къ перепискѣ Кристина съ кн. Туркестановой.

БАРОНА БУДБЕРГА, РУССКАГО ПОСЛАННИКА ВЪ ПАРИЖѢ.

Два раза мнѣ случалось встрѣчаться съ именемъ нѣкоего Фердинанда Кристина, швейцарца по происхожденію, который будучи на службѣ Франціи и Россіи, кончилъ свои дни въ Москвѣ, гдѣ провель послѣдніе 24 года жизни. Первый разъ имя это встрѣтилось мнѣ въ 1872 году. Я выпускалъ въ свѣтъ неизданную до того переписку Императрицы Екатерины II съ генераломъ Будбергомъ, русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ. Посольство его имѣло цѣлью женитьбу короля Густава Адольфа IV на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ. Она разстроилась изъ-за религіозныхъ недоразумѣній, за которыми скрывали политическія интриги. Въ этихъ трудныхъ переговорахъ играло роль одно лицо, которое, не будучи прямо на Русской службѣ, было дѣятельно употребляемо посольствомъ и казалось вполнѣ преданнымъ Русскому правительству. Лицомъ этимъ являлся швейцарскій путешественникъ, по имени Кристинъ, располагавшій нѣкоторыми связями при Стокгольмскомъ дворѣ.

Второй разъ я встрѣтился съ этимъ именемъ въ 1875 году. Я былъ обязанъ дружескому довѣрію сообщеніемъ мнѣ переписки княжны Варвары Туркестановой, фрейлigny Императрицы Маріи Θεодоровны, съ этимъ-же самымъ Кристиномъ, тогда поселившимся въ Москвѣ, удалившимся отъ дѣлъ и живущимъ въ близости съ самымъ избраннымъ и знатымъ обществомъ Россіи. На меня произвело живѣйшее впечатлѣніе возвышенность чувствъ и глубокое знаніе политическаго

положенія, которыя обнаруживали письма Кристина. Эта частая переписка съ близкимъ другомъ отличается чрезвычайнымъ воодушевленіемъ и слогомъ, изящная дружелюбность котораго исключаетъ всякое подозрѣніе въ неискренности. Человѣкъ, писавшій эти письма и такъ раскрывавшій свое сердце, очевидно не былъ человѣкомъ зауряднымъ, и роль, которую онъ игралъ въ политическихъ дѣлахъ не могла быть ни банальной, ни безсодержательной.

Эта жизнь, почти никому неизвѣстная, живо возбудила мое любопытство; тѣмъ болѣе, что она казалась полна приключеній среди самыхъ интересныхъ политическихъ событій нашего времени.

Тщательныя разслѣдованія, сдѣланныя въ официальныхъ источникахъ однимъ моимъ другомъ *), дополнили свѣдѣнія, собранныя мною самимъ, и такимъ образомъ развернулась передо мной эта странная жизнь, протекавшая среди политическихъ происшествій, и событія которой связаны съ исторіей.

Лѣтъ съ пятьдесятъ способъ веденія дѣлъ дипломатіи измѣнился. Теперь, прежде чѣмъ возбуждать какой-нибудь политическій вопросъ, его предварительно готовятъ въ ежедневной прессѣ, и журналамъ выпадаетъ роль, часто очень важная, помогать дипломатіи. Такъ поступали Кавуръ, Наполеонъ III, Бисмаркъ и много другихъ менѣе важныхъ политиковъ.

Не такъ было въ началѣ этого вѣка. Вліяніе журналистики было хотя извѣстно, имъ пользовались иногда, но оно было далеко не такъ важно, какъ въ наши дни. Впрочемъ, пресса не была организована, и по большей части не рѣшались употреблять въ дѣло орудіе несовершенное, пользованіе которымъ часто опасно.

Чтобы приготовить дипломатическіе переговоры и поддерживать ихъ, пользовались обыкновенно элементомъ, роль котораго значительно уменьшилась въ наши дни. Прибѣгали къ тайнымъ агентамъ, которыхъ въ эту эпоху было очень много въ канцеляріяхъ и кабинетахъ министровъ, которые иногда оказывали важныя услуги; но отъ которыхъ не стѣснялись отрезаться, когда ихъ слова или поведеніе могли казаться предосудительными. Дѣйствіями этихъ тайныхъ агентовъ руководила, главнымъ образомъ, жажда наживы. Лица, которыя выполняли эту роль, были обыкновенно съ темнымъ прошлымъ и неудовлетвореннымъ честолюбіемъ. Но среди нихъ встрѣчались и люди почтенные

---

*) Княземъ Алексѣемъ Лобановымъ.

съ настоящимъ умомъ, которые предоставляли себя въ распоряженіе правительства по убѣжденію. Вліяніе ихъ на дѣла, хотя и происходило за кулисами, не было лишено значенія.

Къ этой послѣдней категоріи тайныхъ агентовъ, я думаю, можно причислить Фердинанда Кристина, служащаго предметомъ настоящаго очерка, который, получая вознагражденіе отъ Русскаго правительства, служилъ ему только потому, что политика правительства соотвѣтствовала его личнымъ убѣжденіямъ.

Кристинъ родился 11 Сентября 1763 года въ Ивердэнѣ, гдѣ жило все его семейство; повидимому, онъ воспитывался во Франціи и, судя по его католическимъ убѣжденіямъ и тому уваженію, которое онъ сохранилъ къ Обществу Іисуса, я не колеблюсь думать, что онъ воспитанъ былъ въ Іезуитской школѣ. Одновременно съ его религиозными вѣрованіями, образовались и его политическія убѣжденія. Тѣ и другія склоняли его къ исключительному роялизму, который можно было бы счесть чрезмѣрнымъ, если бы чрезмѣрность революціонныхъ идей, среди которыхъ онъ жилъ, не объясняла бы достаточно и не оправдывала бы до извѣстной степени преувеличенія въ обратную сторону. Его политическія убѣжденія не мирились ни съ чѣмъ и не довольствовались ни чѣмъ, кромѣ крайнихъ рѣшеній. Онъ осуждалъ либерализмъ, въ какой бы формѣ онъ ни являлся, и казался столь же строгимъ къ либеральнымъ уступкамъ Людовика XVI-го, какъ впоследствии и къ свободолобивымъ попыткамъ Императора Александра I.

Вотъ съ какимъ умственнымъ складомъ онъ поступилъ на службу, еще очень молодымъ, къ г-ну де Калоннѣ, у котораго онъ оставался до тѣхъ поръ, пока потопъ революціи не унесъ этого министра. Это мѣсто у г-на де Калоннѣ, поставило его въ сношенія съ вожаками партіи, которую начинали уже называть партией роялистовъ, а съ другой стороны въ это же время установились его отношенія съ семьей Неккеръ и г-жею Сталь, игравшей роль въ его жизни, и съ которой онъ остался въ перепискѣ даже тогда, когда совершенно удался отъ дѣлъ. Впрочемъ, онъ не раздѣлялъ мнѣній партіи Неккеръ и Бенжамэна Констана иначе какъ съ оговорками. Онъ не рѣшался быть за одно съ теоріями, которыя уклонялись отъ абсолютной монархіи. Кромѣ того, будучи совершенно искрененъ въ своихъ сужденіяхъ, онъ не искалъ отрицать заблужденій и ошибокъ роялистовъ и былъ тѣмъ болѣе къ нимъ строгъ, что въ его глазахъ дѣло ихъ составляло одно съ его долгомъ къ Богу. Такъ, напримѣръ, онъ живо оплакивалъ

печальный конецъ маркиза де Фаврасъ, не изъ-за судьбы этого несчастнаго, а изъ-за преступной слабости, которая его отдала въ руки палачей. Въ 1815 году, когда почти никто уже не помнилъ, кто такой былъ маркизь де Фаврасъ, онъ выражалъ убѣжденіе, что несчастія, постигшія Людовика XVIII-го, и затрудненія, окружавшія реставрацію, были только справедливымъ наказаніемъ неба за неблагородныя чувства, передъ которыми сдался графъ Прованскій, отдавъ революціонной злобѣ челоуѣка, ему преданнаго. Точно также, долго спустя, онъ не находилъ словъ достаточно строгихъ, чтобы осуждать насилія надъ хартіей, въ которыхъ были виновны Карлъ X-й и министерство Полиньяка. Дѣло королевства было для него, въ особенности въ началѣ его карьеры, дѣломъ святымъ, предметомъ вѣры, которую нельзя было унижать никакимъ поступкомъ, недостойнымъ или безчестнымъ, и сила котораго заключалась, не только въ чистотѣ намѣреній, но и въ тѣхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгали защитники его.

Когда въ 1789 году, г-нъ де Калоннъ былъ изгнанъ въ Лотарингію, Кристианъ сопровождалъ его туда и съ нимъ онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1794 году.

Вигель, въ своихъ воспоминаніяхъ, въ общемъ не представляющихъ никакой исторической цѣнности, говоритъ, что слышалъ отъ самого Кристиана, какъ послѣ паденія г-на де Калоннъ, онъ отправился въ Англію, поступилъ на службу къ графу Артуа, какъ много разъ этотъ послѣдній ему давалъ порученія къ Людовику XVI-му и къ Маріи-Антуанетѣ, и какъ, наконецъ, онъ съ нимъ прибылъ ко двору Екатерины II. На этотъ разъ утвержденія Вигеля подтверждаются данными болѣе вѣскими. Нѣкоторыя указанія въ письмахъ Кристиана доказываютъ, что онъ жилъ въ Англіи въ близкихъ сношеніяхъ съ эмигрировавшими князьями, которые пользовались имъ, чтобы со-общаться съ Людовикомъ XVI-мъ. Кромѣ того, онъ, кажется, былъ не чуждъ движеніямъ въ Лондонскомъ обществѣ, многія подробности которыхъ были ему извѣстны, что заставляеть думать, что онъ жилъ нѣкоторое время среди этого общества. Что достовѣрно извѣстно, это то, что по прибытіи въ Петербургъ, онъ тамъ былъ замѣченъ чистотою своихъ монархическихъ убѣжденій, одобряемыхъ въ это время тѣмъ болѣе, что Екатерина II послѣ идей гуманитарныхъ и либеральныхъ и послѣ того, какъ она была очень близка къ революціи, кончила тѣмъ, что стала во главѣ всѣхъ государей, предполагавшихъ уничтожить революціонное направленіе.

Въ Петербургѣ онъ былъ представленъ г-ну Маркову, который своимъ талантомъ редактировать и, благодаря своему участию въ различныхъ переговорахъ, между прочимъ, въ трактатахъ, касающихся вооруженнаго нейтралитета, получилъ въ министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ первенствующее положеніе, сохраненное имъ до смерти Императрицы.

Существовала сплетня, что Марковъ оказывалъ Кристину покровительство, никогда не прекращавшееся, благодаря расположенію, оказываемому Кристину Французской актрисой, г-жею Гуссъ, съ которою Марковъ былъ въ отношеніяхъ почти супружескихъ, и отъ которой онъ имѣлъ дочь Варвару, выданную потомъ замужъ за князя Сергѣя Голицына. Это Марковъ получилъ разрѣшеніе Императрицы записать Кристину въ министерство Иностранныхъ Дѣлъ, въ 1796 году; въ этомъ же году онъ былъ посланъ секретно въ Стокгольмъ, гдѣ и представился въ качествѣ Швейцарскаго путешественника ко двору герцога Судерманскаго, управлявшаго Швеціей за малолѣтствомъ Густава IV-го.

Русская дипломатія преслѣдовала тогда въ Швеціи двѣ цѣли: подписаніе договора союза, который долженъ былъ положить конецъ враждебности, выказываемой Стокгольмскимъ кабинетомъ Россіи при всякомъ случаѣ, и женитьбу молодого короля на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, внучкѣ Екатерины II. Императрица приписывала большое значеніе этому браку, который не удавался до сихъ поръ, благодаря недоброжелательству герцога Судерманскаго и лицъ, его окружавшихъ, въ особенности барона Рейтергольма, его перваго министра.

Кристинъ нашелъ въ Стокгольмѣ соотечественника, Шевалье Сюрмэнъ, дававшаго уроки математики юному королю и этимъ путемъ Русскій посланникъ, лишенный всякаго прямого сношенія, пробовалъ повліять на умъ Густава IV-го, чтобы расположить его къ браку съ Русской великой княжной. Анекдотъ, рассказанный Вигелемъ, и по которому Кристинъ своей находчивостью добился тайной аудіэнціи у короля, кажется выдумкой Вигеля, а можетъ быть и самого Кристина, такъ какъ онъ не подтвержденъ никакимъ доказательствомъ и совершенно неправдоподобенъ. Его начинанія имѣли посредственный успѣхъ и не оказывали никакого вліянія на ходъ переговоровъ. Повидимому, герцогъ Судерманскій кончилъ тѣмъ, что началъ имѣть подозрѣнія, и Кристинъ, которому грозила ссылка въ рудники Далек-

карліи, не чувствовалъ болѣе себя въ безопасности въ томъ неопредѣленномъ положеніи, которое онъ занималъ въ Стокгольмѣ.

Его вѣрный покровитель Марковъ, хлопоталъ тогда передъ посланникомъ, чтобы назначили его официально секретаремъ Русскаго посольства въ Стокгольмѣ, думая этимъ предохранить его отъ опасностей, ему угрожавшихъ. Генералъ Будбергъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить эту просьбу, не считая позволительнымъ, чтобы лицо, игравшее роль непризнаннаго агента, получило въ посольствѣ официальное положеніе. Такимъ образомъ Кристинъ вернулся въ Петербургъ и возобновилъ свои занятія у Маркова, сдѣланнаго въ это время графомъ Римской имперіи.

Какъ ни привыкла Россія къ капризамъ милостей и неожиданныхъ немилостей, все-таки ей не удавалось еще присутствовать при такихъ внезапныхъ переворотахъ, какъ тѣ, которые ознаменовали собой вступленіе на престолъ Императора Павла I.

Графъ Марковъ попалъ въ немилость. Онъ изгнанъ былъ въ свое имѣніе Летичево въ Подоліи. Та же участь постигла и его любимца Кристина, который былъ исключенъ изъ списковъ министерства Иностранныхъ дѣлъ и удалился съ пенсіономъ въ 800 рублей въ деревню своего покровителя, интересамъ котораго онъ и посвятилъ все постоянство своей преданности, бывшей одной изъ чертъ его характера.

Ни графъ Марковъ, ни Кристинъ не появлялись на политической сценѣ во все время царствованія императора Павла I и только въ 1801 году Марковъ снова былъ призванъ въ Петербургъ, а Кристинъ причисленъ къ министерству Иностранныхъ дѣлъ. Съ этого времени начинается самое драматическое время его существованія,

Европа была въ полномъ пожарѣ. Со всѣхъ сторонъ собирались политическія бури, которыя и слѣдовали безъ перерыва за бурями, уже поколебавшими большую часть государствъ.

Въ этихъ обстоятельствахъ графъ Марковъ былъ отправленъ посланникомъ въ Парижъ, чтобы служить посредникомъ между Франціей и государствами, которымъ угрожалъ безпокойный умъ и лихорадочное честолюбіе Перваго Консула. Отношенія послѣдняго съ русскимъ Императоромъ были вполнѣ сердечны и не обнаруживали никакой непріязни. Бонапартъ согласился принять посредничество Россіи въ своемъ спорѣ

съ Англіей, хотя по странной уловкѣ, къ которымъ онъ прибѣгалъ при надобности, онъ затѣмъ говорилъ, что принялъ личное посредничество Александра I, а не его дипломатовъ.

Выборъ Маркова на этотъ щепетильный постъ не былъ счастливъ. Привыкши вести дѣла по канцелярскому, онъ представлялъ себѣ ихъ только въ ихъ совокупности и не отдавая себѣ отчета въ нѣкоторыхъ отбѣнкахъ и подробностяхъ, часто опредѣляющихъ весь ходъ ихъ, не понималъ здѣсь ни своей роли, ни того рода услугъ, которыя онъ могъ бы оказать своей странѣ. Графъ Марковъ былъ чрезвычайно цѣнный редакторъ, но очень посредственный дипломатъ. Кромѣ того, и личность его была не симпатична Первому Консулу; она была не въ его вкусѣ.

Одной изъ первыхъ ошибокъ, сдѣланныхъ графомъ Марковымъ по появленіи его въ Парижъ, была—привлечь къ себѣ Кристина, который былъ слишкомъ замѣшанъ въ борьбѣ партій во Франціи, чтобы быть безпристрастнымъ и чрезвычайно не расположенъ къ правительству, хвалившемуся, что оно есть продолженіе революціи и этимъ сдѣлавшемуся предметомъ ненависти и презрѣнія для партіи роялистовъ.

По тайному приказу императора Александра, обозначенному Каменнымъ островомъ 1-го Іюля 1801 года, Кристина былъ записанъ чиномъ надворнаго совѣтника въ министерство Иностранныхъ дѣлъ и представленъ въ распоряженіе графа Маркова, которому онъ долженъ былъ доставлять секретныя свѣдѣнія отъ своихъ старыхъ знакомыхъ во французской администраціи, среди которыхъ было много швейцарцевъ, поступившихъ на службу Франціи. Доказательствомъ тому, что приписывали услугамъ, которыя онъ могъ оказать, извѣстное значеніе, служить то, что ему дали сравнительно большое для этого времени жалованье. Ему положили 400 дукатовъ на путевыя издержки и назначили 1500 рублей въ годъ, оставивъ 800 рублей годовой пенсіи, сохраненной имъ отъ своей прежней службы въ Россіи въ 1796 году.

Въ это время положеніе въ Парижѣ было самое критическое. Первый Консулъ находился въ состояніи возрастающаго возбужденія; до сихъ поръ у него были только успѣхи; его честолюбіе и самолюбіе не знали предѣловъ; его капризная воля не терпѣла противорѣчій. Единственная страна, которая, благодаря своему географическому положенію и своей могучей народной гражданственности, смѣла не склоняться

передъ нимъ, была Англія. Онъ не считался уже ни съ какой державой въ Европѣ, а съ ней онъ долженъ былъ считаться, и это его сердце.

Но рядомъ съ этими волненіями внѣшней политики, были и другія заботы, которыя не менѣ первыхъ заставляли его терять всякую мѣру въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ и наталкивали на рѣшенія самыя произвольныя и самыя крайнія.

Для полиціи не было тайной, что въ Англіи готовилось серьезное движеніе французскихъ роялистовъ, развѣтвлявшееся до самого сердца Франціи; что эти движенія руководились графомъ Артуа и эмигрировавшими французскими князьями, сообщники которыхъ были распространены по всей Европѣ. Заговоръ Жоржа Кадудала и Пишегрю готовились въ тѣни; полиція знала это, но не могла овладѣть нитями заговора. Обреченная на поиски оцупью, она бросалась въ насилія. Съ своей стороны Первому Консулу нравилось смѣшивать два предмета своей ненависти. Онъ приписывалъ Англіи дѣйствія роялистовъ и думалъ видѣть въ этихъ послѣднихъ только орудіе заграничныхъ интригъ, направленныхъ противъ спокойствія Франціи.

Положеніе графа Маркова въ этомъ горнилѣ волненій и интригъ дѣлалось невыносимымъ. Его высококомѣрное поведеніе еще болѣе осложняло положеніе. Часто онъ вредилъ интересамъ, которые ему были поручены. несдержанностью своего языка, ставя свои личныя симпатіи и антипатіи выше приказаній, получаемыхъ изъ Петербурга, приказаній, которыя не переставали ему предписывать крайнюю сдержанность. Напримѣръ, когда ему замѣчали, что его слова не согласуются съ увѣреніями его государя, онъ нагло отвѣчалъ: „Я хорошо знаю, что сказалъ Императоръ, но у Императора своя политика, а у Русскихъ—своя“. Эти неосторожныя слова обошли салоны Парижа, гдѣ правительству надо было распространить ихъ. Бонапартъ, который въ началѣ, насколько онъ хотѣлъ ладить съ Императоромъ Александромъ, сохранялъ извѣстную любезность по отношенію къ Русскому посланнику, теперь думалъ, что можно болѣе и болѣе отдѣльваться. Онъ говорилъ, что Марковъ представляетъ въ Парижѣ интересы англійской политики больше, чѣмъ интересы своего государя и дѣлалъ видъ, что подозрѣваетъ его въ участіи въ роялистскихъ заговорахъ.

Само собою, вниманіе французской полиціи должно было быть направлено на все, что происходило въ Русскомъ посольствѣ; лица,

его составлявшія, въ особенности Крестинъ, который казался довѣреннымъ и совѣтникомъ Маркова, были предметомъ самаго подозрительнаго наблюденія. Подозрѣнія Французскаго правительства были тѣмъ болѣе возбуждены, что его вниманію были указаны два другихъ русскихъ агента, оба весьма ярые роялисты, одинъ въ Неаполѣ, а другой въ Дрезденѣ. Первый—г-нъ Вернегъ былъ женатъ на Русской, графинѣ Толстой, и поступилъ на службу Россіи. Онъ былъ въ Неаполѣ средоточіемъ происковъ въ пользу Бурбоновъ и, кромѣ того, поддерживалъ съ Римскимъ дворомъ тайныя сношенія, очень враждебныя Французскому правительству. Второй, г-нъ д'Энтрегъ, былъ въ Дрезденѣ, и его обвиняли въ томъ, что онъ былъ посредникомъ французскихъ эмигрантовъ, находившихся въ Германіи, и различныхъ дворовъ материка.

Крестинъ получалъ частыя предостереженія, потому что, не будучи подъ защитой никакого officialнаго титула, нерасположеніе Перваго Консула могло безнаказанно повредить ему. Графъ Марковъ находилъ опасенія эти правильными и 1—13 Января 1802 г. онъ писалъ въ Петербургъ, чтобы назначить его къ посольству officialно.

Во второй разъ въ теченіе его карьеры это officialное положеніе, къ которому онъ стремился, и котораго его покровитель для него добивался, ускользнуло. Не только императоръ Александръ не удовлетворилъ этой просьбы, но онъ приказалъ Крестину оставить Парижъ, гдѣ его присутствіе могло возбудить затрудненія и сдѣлаться предосудительнымъ для посольства.

Что такое произошло и почему императоръ вдругъ оказался такимъ строгимъ по отношенію къ лицу, имъ-же самимъ назначенному и посланному въ Парижъ по его же приказу?

Мы находимъ объясненіе этой загадки въ перепискѣ Государя съ генераломъ Лагарпомъ, его прежнимъ преподавателемъ и повѣреннымъ его сокровенныхъ мыслей.

Генераль Лагарпъ и Крестинъ, швейцарцы оба, принадлежали въ ихъ странѣ двумъ различнымъ политическимъ партіямъ. Въ волненіяхъ Швейцарской конфедераціи они находились въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ, не пропускавшихъ случая вредить другъ другу. Въ перепискѣ императора Александра съ генераломъ Лагарпомъ, изданной Петербургскимъ Историческимъ Обществомъ, есть письмо безъ числа,

но которое по содержанию должно соответствовать этому времени и въ которомъ императоръ пишетъ: „Что касается Кристина—онъ въ Швейцаріи, потому что я приказалъ Маркову отказать ему отъ службы, не желая имѣть никакого дѣла съ интриганамъ“.

Очевидно, Лагарпу удалось нерасположить императора противъ этого агента, услугами котораго онъ пользовался и дѣятельность котораго находили до сего времени полезной. Во всякомъ случаѣ, надо сказать, что удивительно видѣть императора Александра, упрекающаго Кристина въ интригахъ, когда эти интриги, если бы даже онъ и былъ въ нихъ виновенъ, имѣли цѣлью интересы Россіи, были одобрены и направляемы самимъ правительствомъ.

Неудовольствіе, которое Лагарпъ внушилъ императору противъ Кристина, было продолжительно. Съ этихъ поръ Русское правительство отказалось пользоваться имъ, не смотря на таланты, которые онъ обнаруживалъ, и покровительство, которое графъ Марковъ не переставалъ ему оказывать.

Чувствуя себя въ Парижѣ не безопасно и будучи убѣжденъ, что въ Россіи онъ найдетъ лишь слабое покровительство, во всякомъ случаѣ не достаточное, онъ уѣхалъ въ началѣ 1802 года къ своему семейству въ Ивердэнъ. Онъ оставался тамъ до 1803 года вдали отъ политическихъ волненій, поддерживая, тѣмъ не менѣе, свои старинныя отношенія съ французскими роялистами и съ обществомъ Копе, гдѣ г-жа Сталь собрала все, враждебное Первому Консулу. Изъ Ивердэна онъ дѣлалъ частыя поѣздки въ Женеву и во время одной изъ этихъ поѣздокъ, 25 Іюля 1803 года, былъ приглашенъ къ префекту департамента Леману, предъявившему ему приказъ министра юстиціи объ арестованіи его какъ англійскаго агента, обвиненнаго въ дѣйствіяхъ противъ государства. Кристинъ былъ отведенъ въ тюрьму, но на слѣдующій же день получилъ разрѣшеніе вернуться къ себѣ домой. Больше для формы, чѣмъ для наблюденія, жандармъ былъ поставленъ въ его прихожую. Этотъ домашній арестъ длился въ теченіи трехъ недѣль. Съ нимъ дѣлались все менѣе и менѣе строгими. Онъ свободно прогуливался въ Женевѣ и въ окрестностяхъ. Часто прогулки увлекали его даже за французскую границу и друзья его настаивали, чтобы онъ воспользовался этимъ и избавился побѣгомъ отъ опасностей, могущихъ угрожать ему въ будущемъ. Онъ не воспользовался этими совѣтами и, убѣжденный, что противъ него нѣтъ никакихъ серьезныхъ обвиненій, продолжалъ спокойно возвращаться домой и ожидалъ, что

придутъ наконецъ изъ Парижа доказательства его невинности. У него взяли его деньги и бумаги, когда арестовали его. Деньги скоро вернули обратно, но переписка была послана въ Парижъ для разслѣдованія.

Три недѣли спустя, пришелъ отвѣтъ изъ Парижа. Онъ былъ однако совсѣмъ не такой, какъ ожидалъ Крестинъ. Во первыхъ, порицали снисхожденіе, которое префектъ оказывалъ опасному лицу, обвиненному въ политическомъ преступленіи; призывали усилить наблюденіе и отправить заключеннаго въ Парижъ для допроса.

Прибывъ въ Парижъ, Крестинъ первое время находился почти на свободѣ. Онъ жилъ въ гостинницѣ Колоннъ, ходилъ свободно по городу безъ провожатыхъ и посѣщалъ своихъ друзей. Друзья однако не довѣряли эти кажущейся добротѣ полиціи и убѣждали его бѣжать. Крестинъ упорно отказывался, увѣренный, что противъ него нѣтъ никакихъ доказательствъ и что ему легко удастся опровергнуть обвиненія и обнаружить вмѣстѣ съ тѣмъ недобросовѣстность правительства, которое онъ горячо ненавидѣлъ.

29-го августа 1803 года онъ былъ позванъ къ судѣ, сдѣлавшему ему допросъ чисто формальный, въ теченіе не болѣе десяти минутъ. Онъ долженъ былъ объявить свое имя, положеніе и мѣсто жительства, однимъ словомъ, ему сдѣлали вопросы только самые обыкновенные, служащія лишь предвареніемъ ко всякому допросу. Не смотря на то, что его отвѣты были совершенно достаточны, онъ немедленно заключенъ былъ въ Темплъ и его держали тамъ въ теченіе восемнадцати дней. Тѣмъ временемъ новость объ этомъ арестѣ достигла г-на Убриля, который исполнялъ въ Парижѣ обязанности уполномоченнаго Россіи во время отсутствія графа Маркова, уѣхавшаго на воды въ Барезъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ новость эта распространилась и въ Петербургѣ, откуда графъ Александръ Воронцовъ, государственный канцлеръ и завѣдующій министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, предписалъ 16-го Сентября 1803 года г-ну Убрилю „слѣдить за этимъ дѣломъ, не компрометируясь“.

Этотъ приказъ встрѣтился на пути съ рапортомъ г-на Убриля, который 5 (17) Августа послалъ уже ноту Талейрану, прося его объясненій по поводу ареста Крестина и добываясь его освобожденія. Графъ Марковъ также былъ увѣдомленъ о происшедшемъ и счелъ долгомъ поддержать требованія русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, пославъ письмо Талейрану, въ которомъ энергически требовалъ освобожденія этого „надворнаго совѣтника и пенсіонера Русскаго императора“.

Несвоевременное вмѣшательство графа Маркова было пагубно для Кристина. 26-го Сентября судья далъ приказъ заключить его въ башню Туръ, гдѣ съ нимъ обращались, какъ съ самымъ опаснымъ преступникомъ, не производя ему, однако, никакого допроса. Самъ онъ разсказывалъ потомъ, что ему не переставали ставить западни, чтобъ вытянуть отъ него признанія, предосудительныя для Русскаго правительства. Ему не переставали намекать, что правительство это покинуло его, и что Марковъ выказывалъ равнодушіе къ его судьбѣ.

Кристинъ выказалъ непоколебимую вѣрность. Тогда прибѣгли къ устрашенію. Предоставивъ ему каждое утро часъ времени, чтобъ дышать воздухомъ на крышѣ башни, ему дали въ товарищи прогулокъ двухъ Вандейскихъ офицеровъ, Пико и Буржуа, бывшихъ на службѣ графа Артуа, посланныхъ во Францію приготовить экспедицію Жоржа Кадудала и компрометированныхъ доказательствами, собранными противъ нихъ. Десять дней подрядъ, онъ видѣлъ ихъ каждое утро и нѣкоторая близость не замедлила установиться между ними. На одиннадцатый день, сторожъ тюрьмы предложилъ имъ обѣдать вмѣстѣ. Они съ радостью согласились. Въ концѣ обѣда сторожъ вдругъ вошелъ въ тюрьму и сказалъ слѣдующее: „Господа, мнѣ очень непріятно сказать вамъ, что съ нынѣшняго дня вы не считаетесь среди живыхъ; надо умереть“. Можно судить объ ужасномъ удивленіи произведенномъ этими словами. Потомъ, насладившись нѣсколькими мгновеніями общимъ страхомъ, онъ прибавилъ, обращаясь къ Кристину: „На этотъ разъ, милостивый государь, это васъ не касается, я увожу только г-на Пико и г-на Буржуа, которыхъ жандармы ждутъ, чтобы разстрѣлять ихъ“. Несчастныхъ повели къ постоянному военному комиссару, тутъ же приговорившему ихъ къ смерти. Они были разстрѣляны этимъ же вечеромъ.

Сторожъ спокойно вернулся къ Кристину и объявилъ ему, чтобъ онъ поторопился написать министру и откровенно разсказать ему все то, что могло бы его спасти, иначе подобная же участь ждетъ и его неминуемо.

Въ ночь съ 28 на 29 Февраля 1804 года Кристинъ былъ переведенъ въ С.-Пелажи. Его заключили въ сырую и темную келью и дали ему только охапку соломѣ для постели. Лишь нѣсколько дней спустя онъ получилъ разрѣшеніе нанять постель. Онъ опасно заболѣлъ, что не воспрепятствовало держать его въ секретномъ заключеніи и употреблять самыя большія строгости. Секретное заключеніе было снято 29 Іюня. 26 Іюля онъ былъ опять отведенъ въ Темплъ, потомъ

21 Сентября его снова заключили въ келью, гдѣ онъ и остался до Января 1805 года.

Вещь интересная и характерная: въ теченіе всего этого времени онъ не былъ подвергнутъ никакому допросу; дурное съ нимъ обращеніе, не было слѣдствіемъ какого нибудь допроса или процедуры, было лишь капризомъ правосудія.

Какъ разъ во время этого заключенія, когда его влчили изъ тюрмы въ тюрму, совершался цѣлый рядъ произвольныхъ и неслыханныхъ поступковъ, самыми знаменитыми жертвами которыхъ явились Жоржъ Кадудаль, Пишегрю, герцогъ Энгіенскій Моро, и которые кончились провозглашеніемъ имперіи.

Первый Консулъ буйствовалъ. На полномъ приѣмѣ въ Тюльери онъ грубо обратился къ графу Маркову и обвинялъ Россію, въ томъ, что ея агенты держатъ руку заговорщиковъ на его особу. „Думають ли, — говорилъ онъ, — что мы принуждены сносить обиды отъ Россіи!“

За преступленіемъ Этенгейма послѣдовало похищеніе Вернега изъ Рима. Потомъ, когда въ Парижѣ начали чувствовать печальное впечатлѣніе, производимое въ Европѣ безпрестанными нарушеніями правъ людей, ему помогли убѣжать и только представителству Вернега передъ папою Піемъ VII и стараніямъ его, Крестинъ обязанъ былъ полученіемъ свободы.

По выходѣ изъ тюрмы, онъ получилъ приказаніе покинуть французскую территорію въ 15 дней. Онъ пробылъ еще восемь дней въ Парижѣ, потомъ отправился въ Ивердэнъ, чтобъ отдохнуть нѣсколько недѣль отъ несчастій и волненій, которыя перенесъ. Близость французской границы казалась однако ему опасной. Онъ поспѣшилъ отъ нея удалиться и, проѣзжая черезъ Карлсруэ, Штутгартъ и Мюнхъ, прибылъ въ Вѣну, гдѣ представился 11 (23) Февраля графу Разумовскому, русскому посланнику. Оттуда онъ отправился въ Летицево и такимъ образомъ, вернулся въ свое новое отечество, которое и не покидалъ съ этого времени.

Въ Маѣ мѣсяцѣ этого же года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, убѣжденный, что лишенія, которыя онъ перенесъ для Россіи, и вѣрность, которой онъ не переставалъ давать доказательства среди самыхъ жестокихъ обстоятельствъ, ему обеспечиваютъ хорошій приѣмъ. Однако

императоръ Александръ былъ слишкомъ предубѣжденъ противъ него, чтобы помнить его заслуги. И личность его сдѣлалась компрометирующей, потому что его арестъ надѣлалъ слишкомъ много шума. Кристинъ нашелъ въ Петербургѣ только разочарованія: черезъ пять мѣсяцевъ онъ уѣхалъ въ Полоцкъ глубоко оскорбленный, что оказывали такъ мало интереса его бѣдствіямъ и лишеніямъ въ правительственныхъ сферахъ Россіи.

Въ 1813 году мы находимъ его въ Москвѣ, поселившимся въ домѣ графа Маркова на Никитской, пользующимся пенсіей отъ правительства и пріобрѣтшимъ маленькое имѣніе, котораго было достаточно для его скромнаго существованія, куда онъ и переѣхалъ послѣ смерти графа Маркова (29 Января 1827 года). Съ этого времени жизнь его была подобна жизни потерпѣвшаго крушеніе, достигшаго гавани послѣ перенесенныхъ бурь, философски вспоминающаго о прошедшемъ и черпающаго въ своихъ воспоминаніяхъ оцѣнку людей и вещей. Онъ не сдѣлалъ никакихъ попытокъ снова заняться дѣлами, окружился друзьями, принималъ близко къ сердцу все, что касалось интересовъ его новаго отечества, и не выказывалъ никакой злобы противъ тѣхъ, которыхъ по справедливости онъ могъ бы обвинять въ неблагодарности.

Въ уединеніи, въ которое поставили его обстоятельства, его существованіе было раздѣлено между двумя главными интересами: его большой корреспонденціей, бравшей у него большую часть времени и его сношеніями съ графиней Брольи, поселившейся въ Москвѣ, гдѣ она владѣла нѣсколькими домами, сожженными въ 1812 году и затѣмъ отстроенными немного времени спустя. Графиня Брольи тогда очень извѣстная въ Московскомъ обществѣ, была урожденная Левашева и вышла замужъ за князя Трубецкаго. Послѣ смерти послѣдняго она вышла за графа Брольи, французскаго эмигранта, нашедшаго убѣжище въ Россіи, гдѣ образъ его жизни давалъ поводъ къ строгимъ осужденіямъ. Его обвиняли, можетъ быть напрасно, что онъ обратилъ свой салонъ въ притонъ игры, весьма посѣщаемый русскимъ молодымъ дворянствомъ, которому красота его жены обезпечивала многочисленныхъ посѣтителей. Что касается графини Брольи, то казалось, что она не покровительствовала этимъ постыднымъ маневрамъ. Казалось, напротивъ, что ея отношенія съ Кристиномъ уже завязались въ это время и отличались постоянствомъ взаимной привязанности. Послѣдніе годы его жизни тѣмъ не менѣе онъ много перенесъ въ своихъ сношеніяхъ съ женщиной, сдѣлавшейся очень болѣзненной и все болѣе и болѣе капризной.

Этой графинѣ Брольи, Крестинѣ завѣщаль, умирая, всѣ свои бумаги и большую часть своей обширной переписки. Онѣ оставилъ также ее наслѣдницей своего скромнаго имущества. Къ несчастью, графиня Брольи не поняла значенія для исторіи этого собранія. Она безжалостно сожгла всѣ бумаги, между которыми находились воспоминанія, начатыя имъ, и объ которыхъ онѣ упоминаетъ въ собраніи писемъ, сохранившихся благодаря счастливому распоряженію. сдѣланному имъ за 4 года до смерти.

Это собраніе представляетъ другого рода интересъ въ его жизни.

Около 1813 года онѣ встрѣтилъ въ Москвѣ княжну Барвару Туркестанову, фрейлину при Русскомъ Дворѣ, бывшую впоследствии при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, матери императора Александра I. Съ первыхъ дней ихъ знакомства Крестинѣ почувствовалъ къ княжнѣ Барварѣ искреннюю и крѣпкую дружбу, совершенно не похожую на тѣ чувства, которыя привязывали его къ графинѣ Брольи. Княжна Туркестанова отличалась большимъ умомъ, еще усиленнымъ серьезнымъ образованіемъ, прекраснымъ характеромъ и увлекающейся, немного фантастической натурой, которой азіатское происхожденіе ея рода давало всю прелесть восточной женщины. Она была одарена живымъ воображеніемъ и очень заинтересовалась человѣкомъ, представлявшимъ изъ себя обломокъ политическихъ буръ того времени; ей нравилось признаваться ему въ волненіяхъ собственнаго существованія, скрывавшаго подъ блестящей наружностью огорченія, неразрывно связаннаго съ жизнью при дворѣ.

Почти каждый день княжна Туркестанова и Крестинѣ повѣряли въ письмахъ другъ другу свои впечатлѣнія самыя душевныя. политическія, религіозныя размышленія и все, что интересовало общество, въ которомъ они жили.

Въ то время почтовое сообщеніе между Петербургомъ и Москвой не было такъ часто и легко, какъ теперь, поэтому эти письма заключали иногда замѣтки нѣсколькихъ дней, писанныя по мѣрѣ того, какъ онѣ приходили имъ на умъ. Благодаря этому ихъ непрерывная переписка даетъ полную картину, чрезвычайно интересную, современнаго имъ общества. Въ 1819 году княжна Туркестанова умерла страшнымъ образомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она блистала при дворѣ. Императоръ Александръ часто посѣщаль ее, выказываль къ ней большой интересъ и находился подъ очарованіемъ ея разговора. Хотя ей было болѣе

40 лѣтъ, она не только очень хорошо сохранилась, но красота ея, перемѣнивъ характеръ, была всетаки очень привлекательна. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за ней очень ухаживалъ князь Владимиръ Г-нъ, который былъ моложе ея и извѣстенъ своимъ легкимъ поведеніемъ. Говорять, что княжна Туркестанова сдѣлалась жертвой чудовищнаго пари, которое держалъ князь Г-нъ, что онъ воспользовался предательствомъ горничной, и княжна Туркестанова умерла, производя на свѣтъ дочь, которую княгиня Г-на взяла къ себѣ, желая такимъ образомъ великодушно загладить ошибки своего мужа. По слухамъ, ходившимъ тогда въ обществѣ, княжна Туркестанова, послѣ рожденія дочери, приняла яду и умерла въ страшныхъ мученіяхъ. Эта дочь носила имя Г-на и вышла замужъ за Нел-ва.

Крестинъ былъ безутѣшенъ по смерти княжны Варвары: исчезала большая часть интереса его жизни, а онъ уже не былъ въ такомъ возрастѣ, когда подобныя потери можно замѣнить другими привязанностями. Чтобы пережить воспоминанія этой нѣжной дружбы, въ теченіе ряда лѣтъ занимавшей его и украшавшей его одиночество, онъ предпринялъ переписку всѣхъ писемъ, полученныхъ отъ княжны Туркестановой и тѣхъ, которыя онъ самъ писалъ. Передъ своею смертью онъ завѣщалъ это собраніе, а также и путевой журналъ путешествія, сдѣланнаго имъ по Германіи съ императрицею Маріей въ 1818 году, графинѣ Софьѣ Самойловой, замужемъ за графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ, которая находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ княжной Варварой и бывшей, одновременно съ нею, фрейлиной Императрицы.

Возвышенность ума и сердца, отличавшая княгиню Софью Бобринскую, была въ глазахъ Крестина рѣшающей причиной, чтобы завѣщать ей это собраніе—хронику времени, отмѣченнаго дружбой.

Кромѣ того и обстоятельства сблизили его съ этимъ семействомъ. Графиня Софья и ея мужъ умѣли отличить любезныя качества Крестина, оба очень добрые, они ему выказывали расположеніе, на которое онъ отвѣчалъ чувствомъ глубокой благодарности. Когда въ 1830 и 1831 году появленіе холеры, политическіе перевороты въ Европѣ, и возстаніе Польши по очереди колебали устои Русской имперіи, графъ и графиня Бобринскіе поселились въ деревнѣ, гдѣ графъ Алексѣй закладывалъ начала новой промышленности, прославившей его имя въ Россіи и создавшей для его страны новый источникъ богатства. Крестинъ находился въ Москвѣ, откуда онъ сообщалъ графинѣ Софьѣ всѣ слухи, ходившіе по городу, событія, происходившія

тамъ, и прибавлялъ оцѣнку политическихъ событій, которую ему позволяла его старая опытность и несчастія юности. Какая бы ни была разница между этой перепискою и той, которую онъ велъ раньше съ княжною Туркестановой, не похожей ни по формѣ, ни по чистосердечности, ни по разнообразію предметовъ, обнимаемыхъ ею, она имѣетъ тѣмъ не менѣе большой интересъ, изъ-за правильности, съ которой Крестинъ передаетъ все, объ чемъ онъ узнавалъ. Относительно многихъ предметовъ мнѣнія его измѣнились. Политическое положеніе Европы перемѣнилось, заботы другого рода владѣли умами и обнаруживались новыя стремленія. Крестинъ поддался этимъ вліяніямъ. Какъ я выше уже сказалъ, принципъ абсолютной монархіи, на защиту котораго ушла вся его молодость, не казался ему уже больше панацеею, которая могла излѣчить все зло человѣческаго общества. Тѣмъ не менѣе онъ не соглашался съ режимомъ Людовика Филиппа. Этотъ король буржуа, происхожденіе власти котораго заставляло его быть постояннымъ льстецомъ народа, не отвѣчалъ его идеѣ королевства. вмѣстѣ съ тѣмъ разъ событія посадили его на тронъ, онъ хотѣлъ, чтобы всѣ уважали его, и нижеслѣдующее письмо отъ 26 Февраля 1831 года излагаетъ, въ какихъ условіяхъ онъ допускалъ возвращеніе Бурбоновъ.

„Мнѣ стыдно за Карла X, что онъ погрузился опять въ интриги, которыя ему дѣлаютъ больше зла, чѣмъ добра. Поднять духовенство, присоединить къ себѣ анархистовъ, чтобы опрокинуть тронъ Луи-Филиппа и погрузить Францію во всѣ ужасы безпорядковъ, которые продолжатся можетъ быть столько же времени, какъ въ 1793 году и дадутъ столько же преступленій и несчастій! Не достаточно ли своихъ подданныхъ возвели на эшафотъ эти несчастные правители? Адская машина, заговоръ Жоржа Кадудала, дѣйствія Пишегрю,—все это было ими направляемо изъ ихъ убѣжища и все это кончилось казнью ихъ агентовъ, тогда какъ храбрые Вандейцы, которые сражались за Бога и короля, оставались покінутыми, не будучи въ состояніи никогда добиться, чтобы графъ Артуа, тогда уже въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ, и его сыновья, уже взрослые, поддержали бы своимъ присутствіемъ эту достойную армію, которая потеряла столько благородныхъ жертвъ подъ цулями революціонеровъ. Смерть Ларошжакелена, Шателино, Шаретта, Стофэ, Фротэ свидѣтельствуетъ о вѣрности этихъ подданныхъ и нравственной слабости ихъ властелиновъ. Будь въ этомъ семействѣ Генрихъ IV и побѣжай онъ въ Бордо или Тулузу созвать всѣхъ друзей законности, въ 15 дней онъ образовалъ бы армію для защиты своихъ интересовъ и завладѣлъ бы своимъ наслѣдствомъ или умеръ со славою.

Но интриговать изъ глубины Голлирода, это выказываетъ полное отсутствіе величія души и благороднаго королевскаго чувства“.

Въ предъидущемъ письмѣ онъ вспоминаетъ свое прошедшее и отвѣчаетъ графинѣ Софѣ, которая побуждала его воспользоваться своимъ свободнымъ временемъ и писать мемуары.

„Мемуары, говорите вы? Боже мой, отъ нихъ проходу нѣтъ! Тѣмъ не менѣе я думаю, что у меня нашлось-бы много любопытныхъ и интересныхъ вещей. Пока Бурбоны царствовали, онѣ были запрещены; теперь, когда они въ несчастіи, было бы недостойно публиковать то, что я объ нихъ зналъ и видѣлъ во время первыхъ лѣтъ изгнанія. Я провелъ это время въ ихъ близости, преданный ихъ дѣлу, которое я тогда считалъ прекраснымъ, и для котораго я нѣсколько разъ рисковалъ моею жизнью, путешествуя въ Парижъ въ самыя опасныя минуты для того, чтобы передавать ихъ сообщенія Людовику XVI, что поставило меня въ связь со многими подробностями, о которыхъ только я одинъ могъ бы сказать истину. Но я имъ служилъ и любилъ ихъ, только долго послѣ я развязался съ ихъ дѣломъ, которое они давали себѣ удовольствіе портить. Хотя съ той минуты, какъ я принялъ участіе въ ихъ дѣлахъ, я замѣчалъ много вещей, которыя неприятно дѣйствовали на меня, и оскорбляли мои нравственныя чувства, въ какихъ я воспитанъ. Я очень быстро замѣтилъ, что у Людовика XVIII лживость называлась благоразуміемъ, а чистосердечіе было словомъ лишеннымъ смысла. Я видѣлъ, что можно было до послѣдней минуты ласкать человѣка, гибель или удаленіе котораго уже была рѣшена. Я узналъ, что можно было выдумывать преступленія, которыхъ никогда не существовало, чтобы удалить министра, который стѣснителенъ при иностранномъ дворѣ. Я узналъ, что раздѣлять, чтобы властвовать, было правиломъ, примѣняемымъ дома въ собственномъ домѣ къ самымъ преданнымъ слугамъ. Я узналъ много другихъ вещей, которыя существуютъ, я думаю, при всѣхъ дворахъ, и которыя дѣлаютъ существованіе маленькаго человѣка драгоцѣннымъ для знающихъ государей, и то, какихъ трудовъ и жертвъ стоитъ приближенность къ нимъ“.

Ежедневныя событія, при которыхъ онъ присутствовалъ изъ отдаленія своего убѣжища и объ которыхъ вѣрные друзья приносили ему свѣдѣнія, давали пищу его размышленіямъ очень здравымъ, изъ которыхъ его превосходный умъ дѣлалъ общіе выводы. Внѣшняя политика и опасенія, которыя появленіе холеры возбуждало въ Москов-

скихъ властяхъ, ошибки и слабость органовъ правительства, гибельныя колебанія въ походѣ на Польшу, всѣ ошибки и слабости его времени, внушали перу его страницы, отличавшіяся изяществомъ стиля, правильностью понятій и горячностью чувства.

Крестинъ сохранилъ о княжѣ Туркестановой святую память, которая не измѣнялась до самой его смерти.

Въ 1833 году, будучи очень боленъ, чувствуя упадокъ силъ и близость своего конца, онъ написалъ графинѣ Бобринской слѣдующее письмо, помѣченное седьмымъ Іюнемъ: „Вы знаете, что я поддерживалъ въ теченіе семи лѣтъ очень частую переписку съ Вашей сопутницей по Германіи; я, кажется, говорилъ, также, что послѣ смерти этого превосходнаго друга, всѣ его письма были пересланы мнѣ и, чтобы имѣть занятіе рукамъ, въ теченіе долгихъ припадковъ подагры, я забавлялся списывать по порядку чиселъ всю эту переписку, которая составила 5 томовъ *in quarto*. Теперь, когда наступило для меня время, когда всякій благоразумный человѣкъ долженъ привести въ порядокъ свои дѣла, я рѣшилъ сжечь всѣ эти письма; но, желая доставить себѣ удовольствіе пережить нѣсколько мгновеній прошлаго, что составляетъ единственную отраду такихъ уединенныхъ стариковъ, какъ я, началъ перечитывать эту переписку съ самаго начала и до конца, признаюсь, что чѣмъ болѣе подвигался я впередъ въ своемъ чтеніи, тѣмъ болѣе дѣлалось мнѣ жалко сжигать эту переписку. Это собраніе заключаетъ въ себѣ, среди многихъ дѣтскихъ вещей, письма, которыя заслуживаютъ быть сохраненными, какъ изъ-за ихъ анекдотическихъ достоинствъ, такъ и изъ-за размышленій, возбуждаемыхъ описываемыми въ нихъ событіями. Можетъ быть это тщеславіе, потому что въ моихъ собственныхъ письмахъ я нахожу изложеніе здравыхъ принциповъ, годныхъ для всякаго времени и достойныхъ быть прочтенными и одобренными какъ теперь такъ и въ будущемъ, въ особенности то, что касается двухъ послѣднихъ лѣтъ переписки.

Всетаки я хотѣлъ бы сохранить эту переписку и, такъ какъ послѣ меня она можетъ попасть въ руки полиціи, которая суетъ носъ повсюду, я хотѣлъ бы отдать ее въ руки вѣрнаго друга. Этотъ другъ, графиня,—не можетъ быть никто иной, какъ Вы, если Вы съ этимъ согласны. Вы знаете все, что могутъ писать въ своей близости два друга, имѣющіе тѣ же самыя знакомства въ обществѣ и живущіе обыкновенно въ двухъ разныхъ столицахъ. Самая большая откровенность существуетъ въ такихъ письмахъ объ людяхъ. по большей частью еще живыхъ и, слѣдовательно, нельзя позволить читать ихъ

нескромнымъ любопытнымъ. По правдѣ сказать, Вы единственное лицо, упоминаемое тамъ съ похвалою и безъ всякой критики, что устраняетъ всякія неудобства помѣстить эту переписку въ Ваши руки. Кромѣ того, изъ всѣхъ лицъ, мнѣ знакомыхъ, Вы соединяете въ себѣ благоразуміе съ отмѣнной правильностью ума и сужденій, слѣдовательно, Вы будете знать лучше, чѣмъ кто либо, что нужно будетъ сдѣлать съ этой перепиской теперь или потомъ, и, если Вы согласны на то, я предоставляю въ полное Ваше распоряженіе уничтожить ее или сохранить“.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, 5-го Іюля 1837 года, онъ написалъ графинѣ Софѣ свое послѣднее письмо, проникнутое самыми меланхолическими предчувствіями. При приближеніи къ концу своего земного поприща, воспоминанія о другѣ, умершемъ 18 лѣтъ тому назадъ, пришло на умъ ему и внушило слѣдующія строки, которыя, приподымая завѣсу, покрывавшую преждевременный конецъ княжны Туркестановой, обнаруживаютъ постоянство его къ ней привязанности.

„Было у ней, какъ и у всѣхъ высокихъ людей, среди которыхъ судьба поставила ее все, для того, чтобы ея благородный умъ создалъ ей особое положеніе, почтенное и обеспеченное на всю жизнь. Роковая слабость спутала все это и гордость (впрочемъ весьма естественная) помѣшала ей прибѣгнуть къ единственному средству, которое помогло бы ей сохранить свое высокое положеніе. Господинъ Великій *) былъ бы польщенъ полнымъ, безъ утайки довѣріемъ и нашелъ бы средство скрыть навсегда роковую тайну, но она не могла рѣшиться сойти съ пьедестала, на который ее поставили принципы высокой добродѣтели и полной чистоты нравовъ. Она не совѣтовалась ни съ кѣмъ, хотя около нея былъ другъ. во мнѣ же она имѣла другого, который не пощадилъ бы ничего, чтобы быть ей полезнымъ, еслибъ она рѣшилась признаться имъ, что она не болѣе какъ женщина. Вы спрашиваете меня, кто мнѣ разсказалъ о причинѣ этой смерти,—это старая подруга, которая не любила уже ее, подруга, которая начала съ покровительства ей и которая кончила тѣмъ, что сама чувствовала надобность отдать себя подъ ея покровительство. Такія перемѣны не прощаются. Поэтому смерть нашей милой княжны не принесла никакого горя въ этотъ кружокъ, а ея паденіе, узнанное впослѣдствіи, возбудило почти радость.

---

*) Такъ называли въ своихъ письмахъ княжна Туркестанова и Кристина Императора Александра.

Открыли это сначала благодаря затрудненіямъ доктора, а потомъ заявленіямъ отца, который не остановился передъ существенными доказательствами, отъ него потребованными, чтобы доказать свои права и прислать подлинныя письма бѣдной усопшей. Не находите-ли Вы, что всѣ эти вещи, не возбуждая противъ человѣческихъ слабостей, внушаютъ, напротивъ, нѣжное состраданіе къ ихъ жертвамъ. Это производитъ на меня впечатлѣтіе, что мы хрупкія созданія безъ права осуждать въ другихъ то, что завтра сами мы можемъ сдѣлать, ибо кто имѣеть достаточно довѣрія къ себѣ, чтобы сказать: я не сдѣлаю ошибокъ?«

Крестинъ умеръ въ Москвѣ 18 Декабря 1737 г. и былъ похороненъ на Нѣмецкомъ католическомъ кладбищѣ, гдѣ старая и вѣрная дружба поставила ему памятникъ и описала въ нѣсколькихъ словахъ теченіе его жизни.

Ноябрь 1875.

